

Яся Белая

ФЕЯ-КРЁСТНАЯ ЖЕЛАЕТ ЗАМУЖ

СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Б43

Белая, Я.

Б43 Фея-Крёстная желает замуж / Я. Белая. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 322 с. — (Сказания Чаролеся).

ISBN 978-5-521-90099-2

Тяжела и неказиста жизнь феи-крёстной, уж вы мне поверьте. Нынче всем принцы нужны. И непременно Прекрасные! И балы, и туфельки, и кареты. Надоело! Я тоже замуж хочу! Вон и крестница взялась помочь, и жених сыскался. Только сначала нужно наладить личную жизнь ректора Академии Тёмного колдовства. Вот только этот хмырь ненавидит женщин. Но начальство и слушать не желает. Поэтому держись, Чариус Хмурис, я иду, и я устрою тебе настоящее «долго-и-счастливо»!

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90099-2

© Белая Я., 2023
© Кандела О., оформление, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ГЛАВА 1, В КОТОРОЙ Я ЗАХОТЕЛА И ПОПЫТАЛАСЬ...

На обложке витиеватыми буквами написано «Долго и счастливо». Провожу пальцем по выпуклой надписи, передаю альбом крестнице и вздыхаю.

Завидую и даже не прячу этого.

Вон, из открытого окна доносятся голоса и смех — мужской и детский. Прекрасный Принц — теперь уже король обучает сына, их первенца... ну чему там мужчины сыновей учат. Крестница оборачивается на голоса, улыбается, кладёт руку на округлый живот.

Принцессу ждём. Конечно, Прекрасную. Луизой решили назвать.

Эх, а я-то чем хуже?

И локоны искрятся, будто над ними встряхнули луну. И глаза чудесные, какого хочешь цвета, чаще — фиалковые. А уж фигурка! У иной принцессы и в лучшие времена такой нет. А крылышки! Ах, какие крылышки! Прозрачные, сверкающие, а пыльца на них мерцающая, ароматная. Лучше всяких духов. Благодаря ей я летаю. И возраст у меня меркам фэйри совсем юный — сто пятьдесят. В самом расцвете, так сказать! Ну вот что ещё, спрашивается, мужчинам нужно?!

Крестница странно на меня смотрит.

Ох, ты ж мать моя, Королева Маб, я всё это вслух выпалила?

— Угу!

— И с какого момента? — щурюсь на неё. Не могла остановить?!

— Примерно с локонов.

Она крутит свой золотистый, будто сравнивая с теми, о которых слышала.

— И ты не обиделась?

Птичкой подлетает ко мне, садится рядом, обнимает за плечи, чмокает в щёку.

— Что ты, крёстная? Я ни капельки не обиделась. И полностью согласна — таких красавиц, как ты, ещё поискать. Действительно, куда только мужчины смотрят?

Снова вздыхаю, подпираю подборок рукой, таинственно и печально гляжу вдаль...

— Эх, дорогая, я замуж хочу.

В общем, зря она в это время апельсиновый сок пила, и хорошо, что я — фея. А то бы платье испортила. Крестница всю меня обрызгала.

— Что? — глазки лазурные округляет, ресницами длиннущими хлопает.

— Замуж, говорю, хочу. А что здесь такого?

— Да ничего, — крестница изо всех сил трёт белый диван: ему тоже досталось апельсиновых брызг. А она никак от привычек своих не избавится: только пылинку-грязинку увидит — сразу тереть.

Лениво провожу волшебной палочкой — оранжевые отметины исчезают.

— Что я не женщина, что ли? Сто пятьдесят лет только и устраиваю всем «долго-и-счастливо». Уже от платьев, туфель, принцев в глазах рябит, а сама — как тот сапожник.

— Какой ещё сапожник?

В шестнадцать и при золотистых локонах её невежество вполне могло сойти за милую наивность, но теперь-то? Хоть бы в книги иногда заглядывала, а не только в мужнюю чековую книжку...

— Который без сапог. Пословица такая. Аллегория.

— А-а-а, — тянет крестница, делая умное лицо и поднимая палец вверх. — Вон оно что.

Хотя ей что аллегория, что астробия — особой разницы нет. Впрочем, им с Прекрасным и разговаривать-то не нужно. Сядут рядышком, за руки возьмутся — и уже хорошо им. Без слов.

Злая я. А всё потому, что завидую. Тоже хочу вот так, без слов. При звёздах на крыше сидеть, сверчков слушать.

А ведь крестница у меня хорошая, добрая девочка. Чего это я на неё?

Вот и теперь вновь садится рядом, неизящно и грузно, чуть покряхтывая, берёт меня за руку и говорит:

— Мы должны исправить положение, крёстная.

— Всенепременно, дорогая. Только как?

— Доверься мне, — заявляет она вполне серьёзно. — Теперь моя очередь помогать.

Ой, что-то мне уже страшно. И за королевство опасаясь. Если моя крестница так решительно сводит к переносице свои идеальные бровки — быть беде!

Я нежно приобнимаю её, похлопываю по плечу:

— Да ты чего, милая? Я же пошутила.

— А вот я не шучу! — говорит она и топает ножкой. — Ты достойна счастья! И я найду тебе мужчину, который тебя ошастливит.

Что-то мне заранее жаль беднягу. Представляю: врывается такая беременная красотка к какому-нибудь венценосному типу, руки в бока, живот вперёд и орёт на него: «А ну быстро пошёл и женился на моей крёстной!».

Тот, испуганный, откуда-нибудь из-под стола: «Хорошо-хорошо. А кто твоя крёстная?».

«Моя крёстная самая настоящая фея!».

Венценосный: «Ой-ё! Попал! Ведь не женишься — в жабу превратит».

Крестница загробным голосом: «Превратит! Ещё как превратит!».

Дальше фантазировать не стала. У меня же мысли материальны, то-то крестница так удивлённо смотрит.

— Ну, почти так, — соглашается она. Необидчивая моя. — Хотя я хотела устроить конкурс.

— А может, не надо?!

— Надо и ещё как! У тебя должен быть выбор. Сейчас же сажусь делать рассылку.

Сказано — сделано.

Присаживается к столу, перо-бумагу достаёт и начинает писать. Голуби тут же слетаются. По подоконнику ходят, воркуют, свою часть работы ждут. Личная служба доставки моей крестницы.

Сижу, люблюсь на неё. И как умудряется так идеально писать? Строчит ведь так, что у меня в глазах мельтешит от попыток уследить за её рукой. А буковки выходят ровненькие, красивенькие, с загогулинками. За такие любые ошибки орфографические простишь.

В общем, написала. Письма по голубкам развесила, чмокнула каждого в клювик и отпустила с миром.

Теперь нам оставалось только ждать.

Некстати вваливается Прекрасный с наследником на плече. Последний вопит, как недорезанный поросёнок. Но родители счастливы, нянчиться бросились.

Всё, значит, мне пора.

Как принцы-короли съедутся — крестница женихам сама общит, с какой целью их собрали.

Не попрощавшись — Прекрасным сейчас не до меня, — выпархиваю в голубое, уже подсвеченное пурпуром и подкрашенное позолотой небо, лечу, наслаждаясь лёгким ветерком. Или он мной. Расшалился, волосы треплет, платьем облепливает. Даже краснею.

Легка, свободна, смеюсь.

А может, ну его, этот брак? Но нельзя уже. Крестница строится. Когда ещё ей выпадет крёстную замуж выдавать?!

В общем, настроение у меня нынче переменчивое и такое... как бы совокупное: хочется одновременно всего, но разного.

Ветер тоже меняется и серьёзно завывать начинает. Грубо хватает меня и затягивает в круговорот.

Что же ты делаешь, негодник? Всю пыльцу с крыльев обобьёшь, как же я летать буду!

— ...приди ко мне, о, легкокрылая Муза!

Меня несёт прямо на какого-то психа, который в такой ветрище стоит на балконе, воздевает руки к небу и чего-то хочет. Не знаю, что именно он просил, но получает меня. Ветер швыряет метко, прямо в руки просителю. И мы вместе — в буквальном смысле — вкатываемся в комнату, упираемся в ножки стола и замираем.

Слава тебе, матушка-нимфея, остановились.

Он глядит на меня, невинный, всклоченный, бледный и с взором горящим.

— Ты кто? — спрашиваю и пытаюсь по мере сил привести себя в порядок. Хорошо, хоть палочку вовремя дематериализовала, а то в такой круговерти она и сломаться могла.

— Я поэт, — заявляет мой новый знакомец. Притом так гордо, весомо и значимо, что я даже проникаюсь.

— Надо же! У меня ещё поэтов не было!

Он улыбается совершенно блаженно, довольный, как Кот-В-Сапогах, когда сметаны наестся.

— И как зовут великого поэта?

— Меня не надо звать, о, прекрасная Муза. Я всегда готов служить тебе. Но если просто, то Анатоль.

— Значит, так, Анатоль, я не Муза.

— А кто же? — глазами моргает, почти как крестница, разве что ресницы покороче.

— Фея, — говорю, — и мне лететь надо.

— Нет-нет, о, Фея, будь моей Музой, не улетай. Я хочу быть с тобой, отныне и присно, в горе и в радости.

— Аминь. Теперь можете поцеловать невесту.

— Ты о чём? — вот же непонятливый.

— О том, что ты сейчас брачные клятвы произнёс. Уж поверь мне, знаю, о чём говорю. Я — фея-крёстная, мне на стольких

свадьбах довелось посажёной матерью быть! — И ни разу — подружкой невесты, подумалось досадливо. — Так что теперь ты, поэт, обязан жениться.

— Жениться? Но на ком? Я не вижу здесь невесты?

Вот же гад! А я тебе кто? Ну так уж и быть, сообразим тебе невесту. В этом я специалист.

Два взмаха волшебной палочки, и вот я вся такая...

... надеть бы белое платье, пойти танцевать..¹

Но поэт лишь морщится.

— Теперь-то что не так? — злюсь.

Он оценивающе осматривает меня и, видно, остаётся доволен. Ещё бы, такое платье и фата! Эксклюзив! Для себя берегла.

— Всё так, красавица моя, вот только музыкальный вкус у тебя... — он кривит лицо и опускает большой палец вниз, мол, совсем плох.

Я фыркаю.

— А ты бы что предложил?

— Моцарта, — восторженно выдыхает он.

Конечно же Моцарта! Как я сразу не догадалась. Комната наполняется искристым звучанием солнечной музыки, и кажется, даже ветер за окном затихает.

Анатолий галантно раскланивается и приглашает на танец. Я вкладываю ладошку в его руку, мы кружимся. Вот оно счастье!

— А если я улечу?

— Я буду ждать тебя вечно!

Как трогательно. И тут — нехстати, много сегодня «нехстати» — приходит сообщение от матери. Анатолий его, разумеется, не видит, но я не могу игнорировать этот мигающий сбоку конверт.

Да что за спешка?!

— Прости, Анатолий.

Но он, поглощенный танцем, только улыбается мне.

¹ Песня группы «Лазурный берег». Автор текста – Н. Заичникова.

Осторожно высвобождаюсь из объятий. Оставляю поэта вальсировать с фантомом и читаю письмо.

Хотя читать особо нечего: срочно явиться в Отдел по контролю за магическим балансом.

Да чтоб им! Так же в девках останешься!

Но, бросив тоскливый взгляд на танцующего с моей копией поэта, вздыхаю и улетаю на зов.

* * *

... ну вот, тут я. Звали?

Сидят, у одних бороды в пол. У других шляпы треугольные да метлы за спиной. У матушки Королевы Маб, как и полагается, крылья. Я зависаю рядом с ней.

— Здравствуйте, почтенное собрание, — говорю по писаному и раскланиваюсь.

Члены комитета лишь слегка склоняют умудрённые магическими знаниями головы в ответном приветствии.

— Мы слышали, ты устройством личной жизни занялась?

Это Моргана. Стерва тёмная. Ногти шлифует, на меня не смотрит, но знаю, что прямо дымится от любопытства.

— Да, и тебе пора. А то потолок уже.

Она кривит подведённые чёрным губы. Готесса.

— Да мы не против, — влезает Мерлин. Ещё б ты против был, прохвост старый. О твоей интрижке с Нимвей¹ каждая сорока трещит. — И очень даже «за». Хороший пример для молодёжи! Только вот сначала поручение одно к тебе, деликатное, как к профессионалу.

Что-то мне тон его не нравится. Ой как не нравится. Однако отвечаю вежливо и с полупоклоном:

— Слушаю, о, мудрейший.

— Знаешь ли ты Чариуса Хмуруса, дитя?

¹ По легенде – вечно юная возлюбленная Мерлина.

Дитя? Да я старше твоей любовницы! Ладно, оставим пустые возмущения. Поэтому вежливо киваю, стараюсь излучать любезность, пробую шутить:

— Когда о нём говорят, обычно добавляют «не к ночи будет помянут». А то, не дай силы волшебные, приснится.

Маб мягко улыбается:

— Не приснится, не бойся.

— В общем, Хмурус упрямо уклоняется от супружеской жизни, — переходит к сути вопроса Мерлин. — А между тем занимать должность ректора Академии Тёмного колдовства можно только женатому. Мы и так сколько лет ему навстречу шли. Одним словом, дитя, нужно сделать всё, чтобы он как можно скорее вступил в законный брак с какой-нибудь колдуньей... А то баланс пошатнётся.

— Допустим, — отзываюсь я, пытаюсь сообразить, к чему старый прохиндей клонит, — только я-то тут причём?

— А ты в Сказочной стране лучший специалист в области брачных отношений.

— Что? О нет, увольте. А лучше сразу убейте. Пыльцу заберите. Но только не это! Женить Хмуруса невозможно!

— Это почему? — заинтересованно подаёт голос Моргана, большая любительница всяких сплетен и интриг.

— Да потому что Хмурус поклялся, что не родилась та женщина, которая сможет его окрутить и под венец отвести. И все эти годы активно это подтверждал.

— Вот поэтому... — тянет Мерлин, встаёт и обнимает меня, словно прощается, —...и выбрали тебя. Ты можешь сделать невозможное возможным. Ведь кто, как ни феи, родились, чтоб делать сказки былью!

— Я это... как бы... больше по девочкам. Платица к балу, туфельки. Тыкву в карету. Принца Прекрасного и чтоб на лестнице догнал да там же, на лестнице, и полюбил... Я не знаю, как с мужчинами такое проворачивать...